

Маревна-лягушка

Картины подруги Диего Риверы и Пабло Пикассо в Третьяковке

КОММЕРСАНТ. - 2004. - 15 ОКТЯБРЯ. - С. 21

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Государственной Третьяковской галерее в Лаврушинском переулке открылась выставка Маревны (Марии Воробьевой-Стебельской) — русской художницы-эмигрантки, чья весьма примечательная судьба и творчество до сих пор были почти неизвестны в России. Рассказывает ИРИНА КУЛИК.

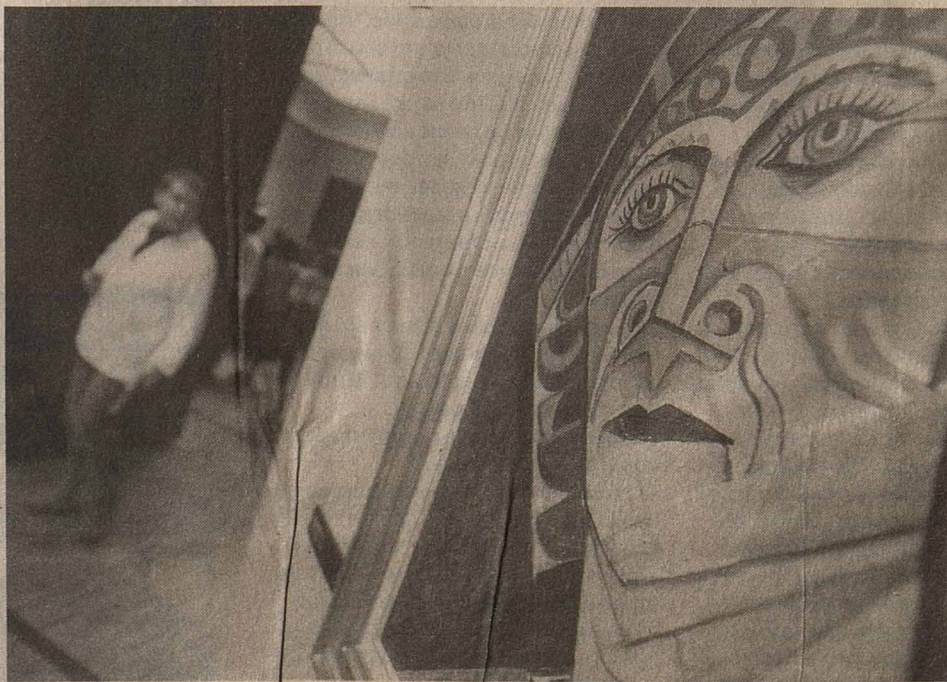
Сказочный псевдоним Маревна Марии Воробьевой-Стебельской подарил Максим Горький. Девятнадцатилетняя девушка познакомилась с ним в 1911 году в Италии, куда, как и подобает начинающему художнику, поехала осматривать шедевры и древности. Экзотическое имя вполне гармонировало с фантастическими нарядами и историями о не слишком счастливом, но вполне сказочном детстве с суровым отцом-лесничим и ручным медвежонком, которыми Маревна поражала воображение завсегдатаев артистических кафе и художественных балов Парижа, куда девушка приехала в 1912 году, как и подобало молодому художнику того времени.

В Париже Маревна стала одним из примечательных персонажей легендарной богемы того времени. Она частый гость в знаменитом «Улье», мастерской-коммуне, в которой обитали художники парижской школы. Маревна пригласила с Хаимом Сутиным, Гийомом Аполлинером, Марком Шагалом, Осипом Цадкиным, Амедео Модильяни. Пабло Пикассо обещал сделать из нее художницу «не хуже, чем Мари Лорансен», Илья Эренбург и Максимилиан Волошин посвящали ей стихи, а ее картины появлялись на выставках и раскупались избалованными обилием гениев парижскими маршанами. В 1915 году Маревна стала спутницей Диего Риверы и родила ему дочь Марику, но в 1921-м мексиканец бросил ее и вернулся на родину. Мария Воробьева-Стебельская умерла в 1984 году, успев в 1977 го-

ду увидеть собственную персональную выставку и документальный фильм, посвященный ей и ее дочери Марике, ставшей довольно известной танцовщицей.

От русской парижанки с именем Маревна ожидаешь какой-нибудь смеси кубизма с русским лубком или иконописью, то есть чего-то в духе Натальи Гончаровой. В пассиве Диего Риверы невольно ищешь сходства с его прославленной супругой Фридой Кало. А в скитающейся между Монпартром и Монпарнасом сумасбродке из экзотической страны видится что-то вроде полубезумной визионерки Нади из романа Андре Бретона, сохранившего в качестве иллюстраций к своей книге сюрреалисти-

ческие рисунки таинственной русской подруги. Но выставка Маревны не оправдывает все эти ожидания. Никакой загадочной русской (женской) души, никакого интуитивно-примитивистского искусства, никакого истерического визионерства. Произведения Маревны кажутся аккуратными, до педантичности грамотными и несколько суховатыми. В 1917 году она еще рисует сообразно духу времени кубистический гротеск, навеянный ужасами первой мировой войны, — «Солдата и подругу» с черепами вместо голов. Но последующие пейзажи, портреты и жанровые сцены выглядят если не умиротворенными, то уравновешенными.

Художница Маревна кажется персонажем из сказки, а не реальной героиней истории искусства
ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

Русская художница старательно и безропотно участвовала в буйстве эстетических революций и богемной жизни, но среди этого разгула ухитрилась жить в этаким размеренном уюте. В конце 1920-х она, усвоив уроки кубизма, перешла к кропотливой технике пуантилизма, очень подходящей к ее пристальному без раздражительности, но и без страстной вовлеченности восприятию мира. Столь же пунктуальны и ее недавно опубликованные в России мемуары, где она не забыла тщательно описать, как выглядел и во что одевался каждый из ее прославленных знакомцев — вне зависимости от того, сколь драматичными были ее с ними отношения.

Баснословный Париж 1910-х остался источником вдохновения и для работ 1950–1970-х годов. В это время Маревна рисует портреты своих прославленных «друзей с Монпарнаса» и монументальные полотна, на которых собирает всю «тусовку». Пузатого Риверу с черепом, Пикассо в шортах, тельняшке и с голубем на плече, Эренбурга с пустым листом бумаги в руках, Модильяни со скульптурным голым торсом — в своих воспоминаниях Маревна не преминула рассказать, как красавец-художник раздевался в богемных барах под жадными взглядами поклонниц. Она ни на кого не держит зла и давно всем все простила. Живые или мертвые, старые друзья выглядят забавными и безобидными голыми игрушечностями. Маревна не забыла свое увлечение кубизмом. Но кубистические грани, из которых складывается изображение, кажутся следами стигм на бумажном листе. Похоже, что из старой фотографии в сердцах сложили самолетик, чтобы запустить его куда подальше, но в последний момент передумали и тщательно разгладили листок — было бы безумием отказываться от воспоминаний такой жизни.